Культура. – 2001. – 16–22 авг. – с. 7

Шахматная игра как болезнь, передающаяся кинематографическим путем

"Защита Лужина" в адаптации Марлен Горрис (Великобритания – Франция – Италия)

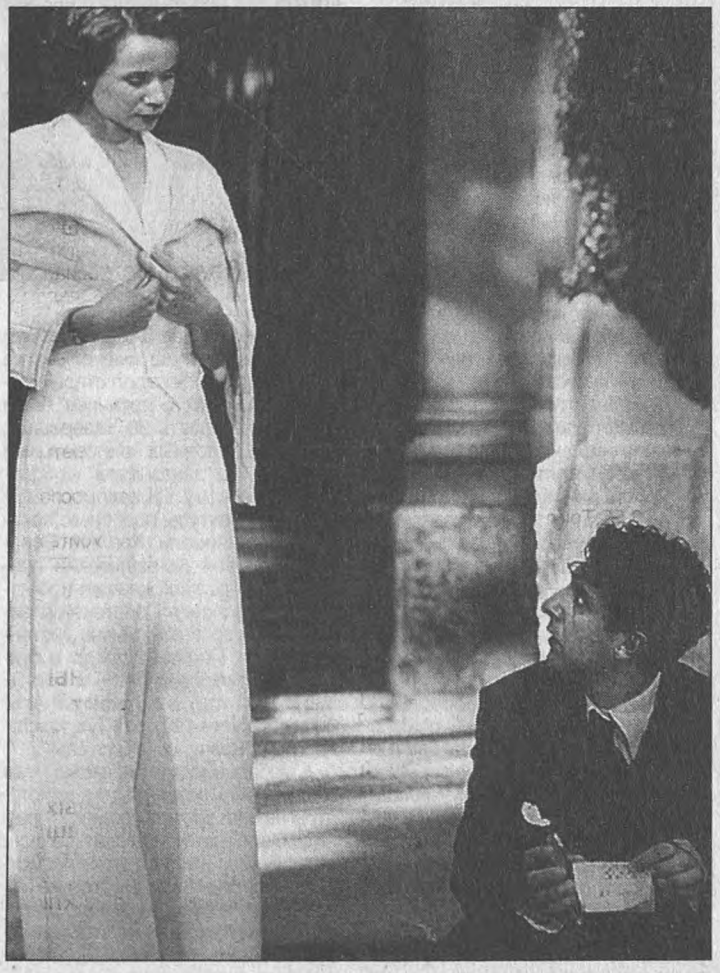
Марлен Горрис ("Оскар" за фильм "Антония") экранизировала роман Владимира Набокова "Защита Лужина". Отнеслась к первоисточнику довольно нежно и относительно бережно, создав кино роскошное и буржуазное, о котором вполне можно сказать: "кино большого стиля". Набокова слегка трансформировали, придав его сюжету обновленные ходы, при этом не нарушая, что называется, аромата литературного первоисточника, разве что усугубив некоторые события толикой приятного публике мелодраматизма и демонизма.

Какая, в сущности, разница нам: белобрысый мальчик по имени Лужин появляется на экране или черноволосый? У Набокова он белокур, у Горрис – совсем напротив. Пожалуй, нет тут груза того презренного положения героя среди сверстников, которое подробно описал Набоков. У Горрис детство этого странного в будущем человека вполне благополучно. Разве что роман отца с тетей слишком уж нарочит, а значит, влияет в большей степени на психику ребенка, но потаенно и смутно, как у Набокова. Курорт на Адриатике, где прошли счастливые и не очень дни вначале с родителями, затем с возлюбленной, – тут всегда чувствуется призрак шахматной игры. Игры, определившей и испортившей жизнь человеку по имени Лужин. Испортившей, но и окрасившей ее в неповторимые тона бытия, овеянного искрой божьей. Смерть матери в романе остается за кадром, лишь телеграмма в руках отца сообщает о ней. В фильме юный Лужин находит свою матушку неживой в кресле. И это сообщает дополнительный драматизм данной истории. Перечислять подобные расхождения прозы и киноварианта вряд ли стоит. Главное, что на экране есть Дар человека, одержимого шахматной игрой, и сама эта Игра, словно смертельная болезнь, переполняющая жизнь, заставляющая ничего иного вокруг не замечать.

На экране – все как в кино или в старых романах, сама встреча Лужина и Наталии, (кажется, тут ее фамилия Каткова), именно такова. У Набокова эта женщина зовется "она", потом "невеста", а в завершении истории, после женитьбы, – Лужина. Эмили Уотсон, выбранная на роль возлюбленной Лужина, необыкновенно хороша, как умеет быть хороша одна лишь Эмили Уотсон при всем несовершенстве черт. Впрочем, Набокову именно это и требовалось: отсутствие "решительного толчка", придававшего бы "ей" красоту. Но улыбку Уотсон не променяешь ни на какую иную, куда более правильную и прекрасную. Быть может, впервые актриса сыграла столь гармоничную женщину, лишенную тех черт, напоминающих лужинские, которые ей, как правило, до того выпадали. Она всегда была в своих прежних ролях начиная с вознесшего ее на киноолимп фильма "Рассекая волны" на грани нервного срыва, а тут стала опорой тому, кто эту грань давно перешел.

Сам Лужин в исполнении Джона Туртурро, известного нашей публике по фильмам братьев Коэн "О, где же ты брат?", "Большой Лебовски", фильмам Спайка Ли и Мартина Скорсезе, – явление странное и уродливое, при этом обаятельно нелепое, жалкое, одинокое – вполне набоковское. Похож он скорее на южанина и мало на славянина.

До венца в фильме дело так и не дойдет. Пока Наташа ждет жениха в церкви, готовая свершить таинство брака, он делает шаг навстречу смерти, выходит в пустое пространство окна. Наташа – ангел. И только.



Кадр из фильма. Э.Уотсон и Дж.Туртурро

В произошедшем несчастье нет ее вины. Она хотела лишь добра и любила. Эмили Уотсон любит и ничего, кроме любви, не несет в душе своей. Нет в ней набоковской неоднозначности, когда добро неизбежно несет в себе искру недобра, а в итоге разрушает судьбу рядом идущего по жизни человека. Тут же все разрушительное списано на Валентинова. Валентинов (Стюарт Уилсон), бывший некогда лужинским воспитателем и сделавший своего подопечного шахматным вундеркиндом, излишне демонизирован, что для избранного Горрис жанра весьма уместно. Он – исчадие ада, само мировое зло. Фильм все время вибрирует между черным и белым, третьего не дано. Недаром же Марлен Горрис сказала о том, что в "Защите Лужина" ее в первую очередь привлекла возможность показать, как две страсти могут разорвать человека на куски. Любовь к игре и любовь к женщине несовместимы. И как следствие – единственный выход: уход в небытие.

Отель, в котором происходят основные события, – на самом-то деле вилла, где прошло детство Лукино Висконти. Кинематографичность происходящего заложена словно бы изнутри и пропитывает картину насквозь. Это какая-то иная реальность, кинематографическая, не житейская. И чувства героев таковы – они не из этой жизни, страсти, их одолевающие, мы видели разве что в старом кино. Санкт-Петербург снимали в Будапеште. Еще одна кинематографическая условность, сообщающая происходящему необходимую в данном случае ирреальность и тоску по чему-то тому, чего на самом-то деле нет. Финал – совсем уж стопроцентное зрительское кино. После смерти Лужина дело его живет. Последнюю шахматную партию блистательно заканчивает Наталия. Она принимает участие в турнире вместо возлюбленного и в соответствии с оставленными им записками. Защита Лужина осуществлена посмертно. И это апофеоз того, что определяется фразой – "как в кино".

Светлана ХОХРЯКОВА